

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЭПИТАФИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

А.Г.Авдеев,

кандидат исторических наук

«Подписана сия надпись для впредь, чтобы память их незабвенна была и место то значно было, где которая гробница, и ведомо было, сия летопись для того написана» — эта эпитафия с надгробия в церкви св. Григория, епископа Неокесарийского в Толмацкой слободе может служить своеобразным эпиграфом к статье, которую мы предлагаем вниманию читателей.

Первые белокаменные надгробия появились в Московской Руси в XIII в., когда здесь окончательно утвердилось христианство. В Московском крае в это время исчез распространенный у славян обычай захоронений в курганах. И в городе, и в селе умерших стали хоронить у церкви в вырытой в земле яме. Место захоронения отмечали гладким белокаменным надгробием, имитирующим узоры на дорогих тканях. Надписей на древнейших надгробиях не было.

В ожидании второго пришествия

Они появились гораздо позднее — ни одно подписанное надгробие не датировано ранее 1492 г. Но почему наши предки до этого времени никак не отмечали на могилах имена близких им людей? В 1492 г. — том самом году, когда Христофор Колумб открыл Новый Свет, — на Руси многие ожидали конца света. Наступало восьмое тысячелетие от Сотворения мира, и многие полагали, что в это время и произойдет светопреставление, когда по звуку трубы мертвые восстанут из могил на обещанный Спасителем Страшный суд. Многие в повседневной жизни казались поэтому временным и ненужным.

Но ожидаемые сроки вышли, а второго пришествия Христа так и не слу-

чилось. И, преодолев ожидание скорого и неотвратимого суда, на Руси люди задумались о более прочных способах увековечения памяти об умерших. Так на белокаменных надгробиях появились резные надписи.

Белый камень, которым богата была Северо-Восточная Русь, был идеальным материалом для резьбы. Мягкий и податливый, он и раньше использовался для резных украшений храмов Владимиро-Суздальской Руси. Достаточно вспомнить один из выдающихся шедевров зодчества домонгольской поры — Дмитровский собор во Владимире, покрытый белокаменным узорочьем. В белом камне привлекали его простота и дешевизна: церковь учила, что могила православного христианина приличествует скромный надгробный памятник. Вот почему на Руси для изготовления надгробий не использовались дорогостоящие материалы и надгробные памятники не имели парадности и пышности, присущей гранитным и мраморным надгробиям российских кладбищ XVIII—XX вв.

Белокаменное надгробие мог позволить себе не каждый. В богатом известняком Московском крае в XVI в. за его изготовление нужно было заплатить два с половиной рубля. В те времена за корову платили от полутора до двух рублей, а за мерина — пять рублей. Вот почему в надгробных эпитафиях глав-

ным образом упоминаются представители имущих слоев тогдашней Руси — бояре, купцы, реже — состоятельные горожане и крестьяне. Белокаменное надгробие было показателем их богатства, высокого социального положения. Простолюдины довольствовались самыми простыми памятниками — деревянными крестами.

Одно из первых надгробий — белокаменный крест — было поставлено в 1458 г. в церкви Вознесения Христова в Ростове Великом. Собственно говоря, это даже не надгробие, а свидетельство о вкладе в храм на помин души умершего: отмечая в надписи факт смерти сына, дьяк Стефан гораздо больше внимания уделил тому, что было дано им церкви для вечного поминовения, — двум деревням и 10 рублям денег. И, будучи твердо убежденным в скором Страшном суде, скорбящий отец не преминул заметить: *«А кто похищет (вклад. — А.А.) из дому Воскресения... с тем имею суд во второе пришествие пред самим Христом».*

Эпитафии же на могильных камнях, появившиеся после 1492 г., были очень кратки. Их формулы мало менялись на протяжении XVI и даже XVII в. Обычной была такая надпись: *«В лето такое-то, в такие-то месяц и день на память такого-то святого преставился раб Божий такой-то».* Она-то и показывает, что надгробия были сродни произведениям литературным: глагол «преставити ся» — калька с греческого *metat...yhmí* — «быть перемещенным» — термин книжный, в разговорной речи он не употреблялся. Зато благодаря ему эпитафия приобретала торжественный, величавый стиль.

И вновь необычность: ни год, ни месяц, ни день рождения в надгробии не отмечались. Но почему? В эпоху средневековья, когда умами людей безраздельно владело христианство, возраст человека не играл большой роли. Гораздо веселее были жизненный опыт и духовная мудрость. За эти качества даже сравнительно молодой человек мог быть назван старцем. Преподобного Иосифа Волоцкого, основателя Ио-

сифо-Волоколамского монастыря, современники называли так в знак уважения, а «старцу» едва минуло 20 лет. Земная жизнь в глазах человека той эпохи была лишь приготовлением к жизни вечной, а тело — временной оболочкой бессмертной души. Поэтому день смерти оказывался важнее дня рождения (да такого понятия в Древней Руси и не существовало — люди обычно отмечали именины, т.е. день памяти святого, в честь которого в крещении они получали имя). И, по этой причине на надгробиях очень часто писали день памяти святого, на который пришлось смерть, — ведь человек рождался для новой жизни. И, подобно тому, как новорожденному давали имя того святого, на день которого он родился, на надгробиях проставляли имя святого, в чей день памяти он переселился в жизнь вечную: *«Лета 7159 (1651) апреля в 23 день на память святого великомученика Победоносца Георгия преставися раб Божий Луцкой помещик Елизареи Радионов сын Бороздин»* (Псково-Печерский монастырь).

Год указывался от Сотворения мира, поскольку летосчисление на Руси велось от этой даты. Эта традиция была столь живучей, что даже после перехода на европейское летосчисление при Петре I — от Рождества Христова — еще долго на надгробиях ставилась двойная дата.

На закате допетровской Руси, когда усилились элементы светской культуры и возрос интерес к человеческой личности, надгробные надписи сделались более информативными. В человеке становится значимым все — и когда он родился, и когда умер, какое общественное положение занимал, сколько времени состоял в браке и т.п.: *«Лета 7205 (1697) февраля в 4 день в десятом часу ночи во второй четверти против четверка на память преподобного отца нашего Исидора Пилуциота преставися раб Божии боярин Федор Петрович Салтыков и погребен на сем месте, а день рождения ево декабря 27 день»* (Москва, Вознесенский монастырь).

Появляются и стихотворные эпитафии, которые — случай доселе небывалый — воспринимаются не только как надгробные надписи, но и как явления книжной культуры, переписываются и распространяются в списках.

В XVII в. люди стали оставлять своим авторством, будь то икона или надгробная эпитафия. Нередко имя автора скрывалось в акrostихе — чтобы узнать его, необходимо было прочесть первые буквы строк. Это тоже характерный штрих эпохи.

О чем рассказывают надгробные надписи?

Средневековое общество строилось на принципах сословности, иерархичности и корпоративности. Статус человека играл огромную роль, указывая на место человека в социальной структуре. На надгробиях часто указывали, кем был умерший при жизни — иноком, князем, ремесленником. Главное, что уравнивало всех, без исключения, — погребенные были рабами Божиими. В самом деле, велика ли разница между следующими надгробиями: *«Лета 7111 (1602) октября 10 дни преставис раба Божья княжна Ирина князь Юрьева дочь Григорьевича Мещерского»* (Москва, Большой Георгиевский монастырь); *«Лета 7147 (1639) гевваря в 4 день преставис раб Божий Филип Кирилов Государев садовник»* (Москва, церковь Успения на Ильинке); *«Лета 7088 (1579) сентября 28 день преставися инок Варлаам»* (Паисиев-Галичский монастырь)?

Каждый человек на Руси являлся прихожанином определенного храма. Вся его жизнь — от рождения до гробовой доски — была связана с приходской церковью. И надписи, вделанные в стену храма, становились неотъемлемой частью заупокойного богослужения: они словно уподоблялись синодикам — поминальным книгам.

Представители боярских и дворянских родов нередко превращали храмы в родовые усыпальницы.

Древнерусские надгробия — источник по генеалогии боярских и дворянских ро-

дов, с их помощью можно узнать не только о времени жизни того или иного лица, но и о его семейных связях с другими родами. По сохранившемуся в Псково-Печерском монастыре надгробию Пушкиных, живших в XVI в., удалось уточнить родословие великого поэта.

Надгробие — памятник парадный. Вместе с тем, наряду с «анкетными» данными умершего, мы можем вникнуть и в глубины социальной психологии заказчиков надгробий. Наиболее информативными в этом отношении оказываются надгробия представителей служилого сословия Древней Руси.

Прежде всего, их отличает самоуважение к собственной родovitости: отчества умерших всегда даются с суффиксом «вич», что на Руси было высшим знаком почета. Этим надгробия служилых людей разительно отличаются от челобитных, подаваемых на царское имя, где боярин, соблюдая известную субординацию, уничижительно именовал себя «царским холопом Ивашкой Петровым сыном». И крестьянин, и посадский человек, да и не очень знатный дворянин на надгробиях гордо проставляли общепотребительное отчество с суффиксом «ов».

Вторая черта — родовая память. Нередко вместо древних надгробий, обветшавших от времени, создавались новые, сохранявшие прежнюю информацию. Так, на кладбище при церкви Рождества Христова в Измайлове на боковой грани надгробия Марии Ивановны Никитиной (около 1872 г.) помещена надпись о том, что на этом месте якобы была могила ее «предка» — служителя приказа Большого Дворца Василия Никитича Никитина, умершего в 1665 г.

Эпитафии бояр и дворян, умерших дома от старости и болезней, избыточную информацию несут редко и действительно кажутся безликими и однообразными. Зато гибель «на государственной службе» уже была достойна увековечивания. Сначала этот факт отмечался скромно: *«Лета 7072 (1564) июля 2 дня преставися раб Божий Алексей Тимофеевич Борисов, убиен бысть»*

на государевой службе» (с. Борисоглебское Муромского уезда). Но постепенно описание подвигов становилось все пространнее: «7179 (1671) году мая 11 день замучен бысть в Астрахане стольник и воевода князь Семен Иванович Львов от богопротивнаго и злочестиваго и отпадшаго от православныя веры, от вора и разбойника, душегубца Стеньки Разина с товарищи» (Ярославль, Спасо-Преображенский монастырь).

Наконец эпитафии служилых людей превратились в развернутые повествования об обстоятельствах гибели на «государевой службе»: «Лета 7186 (1677/78) на службе Великаго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Алексеевича Всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца в Малороссийском городе Чигирине окольников и воевода Иродион, зовомый Иван Иванович Ржевской в нашествии и облежании в осаде от безбожных Турецкаго султана людей от визиря и от пашей, от иных многих земель, которыя в том облежании стояли, сидел в осаде со многими государскими ратными людьми четыре недели и убиен он, раб Божий, окольников и воевода Иван Иванович, гранатною стрельбою [августа] месяца в 3 день 7186 (1678) года в субботу в 11-м часу дня; а до приходу к Чигирину государских ратных людей отсидел в целости; а по убиении его, окольного и воеводы, в 8 день город Чигирин от турских людей взят, а тело его из Чигирина вывезено и погребено в Болхове в соборной апостольской церкви Всемилостиваго Спаса 7187 (1678) года сентября в 10-й день, а сия церковь строения его, окольного Ивана Ивановича» (Болхов, соборный храм во имя Спасо-Преображения).

Иногда надгробные надписи создавались с расчетом на размышления читавшего. Так, в эпитафии боярина А.С.Матвеева, растерзанного стрельцами во время бунта 18 мая 1682 г., имелось указание, что гибель его пришла «на память убиения св. благовернаго царевича Дмитрия». Упоминания дней памяти

русских святых на надгробиях крайне редки. В основе отбора дней памяти святых, помещаемых на надгробиях, лежала византийская традиция. Но в данном случае упоминание о гибели царевича Дмитрия служило знаком внутренней связи двух событий, уподобляя невинную гибель святого младенца невинной гибели боярина.

Случалось и так, что надгробная эпитафия была совсем нелишним поводом напомнить о своих заслугах, во все не имевших отношения к имени умершего. Как, например, в надписи из Московского Златоустовского монастыря: «Лета 7152-го (1641/42) представися раба Божия Васильева жена Петровича Опраксина Феврония, зовомая Марфа Игнатъевна в городе Короче, как муж ея Василей Петрович был воеводою и погребена на сем месте». Когда читаешь эту эпитафию, возникает вопрос: что же было важнее для овдовевшего В.П.Апраксина, представителя захудалого к тому времени рода, — отметить надгробием кончину жены или заявить о вступлении в состав служилой элиты и назначении корочевским воеводой?

Нередко за, казалось бы, однообразными строками надгробий звучат и отголоски политической борьбы. В первую очередь это касается эпитафий, появившихся над могилами жертв Смутного времени. Имя Бориса Годунова, столь ненавидимого московским боярством, стало в них, что называется, притчей во языцех. Немало усилий было положено на его — хотя бы и посмертную — дискредитацию.

Борющиеся за власть боярские группировки использовали подлинные и мнимые преступления царя Бориса. Василий Шуйский в первые же дни правления решил обезопасить себя от появления очередного самозванца. В свое время он был назначен главой следственной комиссии по делу царевича Дмитрия — и теперь по его распоряжению в Москву перенесли тело царевича, тут же и канонизированного Русской Церковью. Мощи новопрославленного святого упокоились в Ар-

хангельском соборе Кремля, а вырезанные на его раке слова звучали обвинением гнусному детоубийце — царю Борису: «В лето 7099 (1591) месяца мая в 15 день убиен бысть благоверный Царевич Князь Дмитрий Иванович Углицкой, Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руссии сын повелением Бориса Годунова от Никитки Качалова да от Данилки Битяговскаго с товарищи. И пренесены быша мощи его честные с Углича в царствующий град Москву лета 7114 (1606) при державе благовернаго и христоролюбиваго Государя Царя и Великаго Князя Василия Ивановича в первое лето государства его». Как видим, несмотря на туманные выводы следственной комиссии, сделанные по свежим следам, инициатор убийства и исполнители названы прямо, чтобы ни у кого не было сомнений в том, кто именно совершил это ужасное преступление.

А бояре Романовы, которых Борис Годунов рассматривал как серьезных конкурентов в борьбе за трон и отправил их в ссылку, вообще превратили родовое кладбище в Московском Новоспасском монастыре в своеобразный мемориал жертв произвола царя Бориса. О чем же поведали надписи на этих могилах? «Лета 7114 (1606) марта в 12 день на память преподобного Феофана Исповедника погребен раб Божий Александр Никитичь Романов, а преставися в заточении от царя Бориса Кириллова монастыря в вотчине на Луде»; «Лета 7114 (1606) марта в 18 день на память святителя Кирилла Иерусалимскаго погребен раб Божий Михаил Никитичь Романов, а преставися в заточении от царя Бориса в Пермии у Николая Чудотворца». «Лета 7119 (1618) февруаря в 15 день на память святаго апостола Онисима преставися раб Божий Василий Никитичь Романов, молитвенное имя Никифор, в заточении от царя Бориса в Сибирском граде на Пелыме в Нырпу на погосте».

Однако первый царь из династии Романовых — Михаил Федорович — вовсе не желал выглядеть мстителем. Напро-

тив, он старался залечить многие раны, нанесенные Смутой, и примирить бывших противников. Время Смуты сменилось временем Покаяния. Останки Василия Шуйского, скончавшегося в польском плену, по инициативе царя перенесли и захоронили в Архангельском соборе. Пышное надгробие над могилой бывшего царя сообщало: «Лета 7121 (1612) сентября во 12 день на память святаго священномученика Автанома преставися благоверный и христоролюбивый Великий Государь Царь и Великий Князь Василий Иванович Шуйской всея Руссии Самодержец в Польском королевстве в 60 лет живота его, а в Польше лежало тело его в Варшаве 23 года. И 143 (1635) году Великий Государь Царь и Великий Князь Михайло Феодорович всея Руссии Самодержец со Владиславом королем Польским учинился в братстве и в вечном докончаньи, для того докончанья посылал ко Владиславу королю послов своих великих, боярина князя Алексея Михайлова Львова с товарищи, и о теле Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Руссии Царскаго величества послом отдал и в царствующий град Москву принесено тело его в лето 7143 (1635) июня в 10 день, в 23 лето Государства его».

Как видим, и здесь информации в избытке, и главным «героем» надгробия является вовсе не Василий Шуйский, а сам царь Михаил Федорович, который вспомнил о покоящихся неизвестно останках бывшего царя, заключил мир с Польшей и добился того, чтобы царские останки были возвращены, а послы, в обязанности которых входило подписание мирного договора, доставили их в Москву.

Рассказ о древнерусских надгробиях можно продолжать еще очень долго. То, что сохранилось до наших дней, — лишь небольшая часть, которую пощадило время. Необозримое число надгробий погребло по людскому небрежению, и во время бунтов и войн, и при прямом содействии государства. В 1722 г. Петр I запретил хоронить умерших в черте города и предписал «надгробные камни при церквах и в монастырях опускать вровень с землею... которые же камни

неудобно так разместить, употреб-
лять их в строение церковное». Так ка-
нула в вечность значительная часть
«каменного архива» допетровской Руси.
Не менее ощутимый урон ему был нане-
сен в годы советской власти при закры-
тии кладбищ и разрушении монастырей
и церквей. Однако немалое число над-
гробий еще сохранилось в городах и ве-
сях России, но и они — чаще всего из-за
незнания — находятся под угрозой
уничтожения.

* * *

Мы прекрасно понимаем, что воспетая
поэтом «любовь к отеческим гробам» —
неотъемлемая часть общей культуры че-
ловека, одно из проявлений чувства патри-
отизма. Однако могут ли быть эпита-
фии интересны современным школьни-
кам? Первый опыт использования мате-
риалов по древнерусским эпитафиям на
уроках москвоведения в 9 классе развеял
эти сомнения.

Ребята с большой заинтересованно-
стью рассуждали о развитии надгробных
рельефов, о возможностях датировки
надгробий по смене типа орнамента. Бы-
ли подготовлены содержательные экза-
менационные рефераты по этой темати-
ке. Отдельные ученики представили
свои доклады на научных конференци-
ях в ИРИ РАН и РГГУ.

В дальнейшем к «теоретическим
выкладкам» на уроке прибавилась но-
вая форма работы — характерные для
дореволюционных гимназий «эпигра-
фические прогулки». Чаще всего такие
прогулки совершались учителями и
учащимися гимназий в городах Юга
России — там, где имелись свои памят-
ники античной эпохи. Цель же наших
прогулок — продемонстрировать, что
и в Москве есть своя «античность» —
эпоха Московского царства. Экскурсия
к одному из древнейших памятников
славянской археологии в черте Моск-
вы — Кунцевскому городищу — позна-
комила школьников с целой серией бе-
локаменных надгробий XVI в. Новая
«эпиграфическая прогулка» была со-
вершена уже по Москве — по Рожде-
ственскому и Сретенскому монасты-
рям, где также были обнаружены над-
гробные плиты XVI-XVII вв. А одна из
«прогулок», совершенных совместно с
сотрудником Центра археологических
исследований г. Москвы В.Ю.Пирого-
вым, также привела к маленькому на-
учному открытию: удалось установить
местоположение загадочного «кладби-
ща иноземцев» в Марьиной роще. Не
остались без внимания и подмосков-
ные монастыри — Николо-Угрешский,
Воскресенский Ново-Иерусалимский и
Дмитровский Борисоглебский.

ВНИМАНИЮ НАШИХ БУДУЩИХ АВТОРОВ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция журнала принимает рукописи, объем которых не превышает 16–18 страниц печатного текста. Присылая материалы, не забывайте о необходимости сопроводить их следующими сведениями о себе: фамилия, имя, отчество полностью; дата (число, год, месяц) рождения; домашний адрес с указанием почтового индекса; паспортные данные; номер страхового свидетельства и ИНН (если они имеются).